

рону Илецкой Защиты и Ташкентской железной дороги. Одни из этих отрядов вели разведку и устанавливали связь с линейными станицами, расположенными по реке Илеку; другие производили налеты на Ташкентскую железную дорогу; третьи способствовали заготовкам и вывозу хлеба для Уральской армии из богатых крестьянских хуторов.

Для поддержания духа казаков и офицеров при штабе 1-го Оренбургского казачьего корпуса издавалась газета «Военный Вестник», материалом для которой служили главным образом добровольческие и большевистские радиосообщения, ежедневно перехватываемые корпусной радиостанцией. Из радиосообщений оренбургские казаки, заброшенные в глухую Киргизскую степь, видели, как Добровольческая армия неуклонным потоком двигалась на север, к Москве. Это вносило бодрость, заставляло забывать о собственных неудачах и вселяло уверенность в окончательной победе над советской властью.

В городе Уиле находилось Киргизское правительство Западной Алаш-Орды, так называемый Уилский Олейят, которое имело небольшие воинские части из киргизов, сформированные при помощи казаков. Между Алаш-Ордой и прибывшими оренбургскими казаками установились довольно хорошие отношения. Киргизы, прекрасно знавшие степь и имевшие постоянную связь со своими родичами самых отдаленных аулов, много помогали казакам в деле разведки и доставки донесений, давая знать о всех передвижениях большевистских отрядов. Первоначальные попытки большевиков овладеть Уилом отражались казаками с успехом; но в конце октября красные отряды, пополненные повстанцами из крестьян и киргизов, подступили к Уилу вплотную. Отходя с остатками 1-го Оренбургского казачьего корпуса в район Уила, генерал-майор Акулинин рассчитывал на приток беглецов из 1-го округа — по примеру прошлого года, на скорое восстание линейных и низовых станиц. Ни один из этих расчетов не оправдался.

А. Масянов¹⁹²

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ¹⁹³

Я не знаю, как восприняли революцию другие станицы. Скажу немного о моей, Чижинской. Когда пришли казаки с фронта, они сейчас же организовали Союз фронтовиков. Было у нас общество взаимной поддержки, куда вносили казаки известный маленький процент пшеницы с урожая. Это был как бы пшеничный банк, откуда, в слу-

чае нужды, каждый мог взять заимообразно пшеницу. Брали главным образом весной на посев. К данному моменту ее накопилось много. Так вот взяли и поделили, затем начали проводить как бы уравнение. Обложили богатых казаков доставить рогатый скот, чтобы его раздать бедным. С моего отца потребовали 10 быков, что для него было совершенно неощутительно. И это, кажется, все. Земля же была общая, и ее не нужно было ни у кого отнимать.

В Уральске в это время, после разгрома коммунистических организаций, стали поступать из Саратова требования об освобождении арестованных и о признании советской власти. Фомичев вел дипломатическую политику с иногородними жителями Уральска, и предполагалось выработать лучшие условия совместной жизни и образования коалиционного правительства.

В начале марта 1918 года советский комиссар Цвиллинг (из пленных австрийцев) прислал из Оренбурга ультиматум уральцам, и, так как ответа не последовало, он двинул отряд красных в 580 человек при 12 пулеметах и несколько подвод с оружием для мобилизации иногороднего населения, которое им сочувствовало, в Илецкую станицу. Илек — это самая северная станица Уральского войска, граничащая с Оренбургским войском. По свидетельству хорунжего А.П. Рыбинского, этот отряд, придя, расположился большими группами в центре станицы и, расставив патрули, собрал митинг. На митинге объяснил казакам, что они пришли установить советскую власть, уничтожить буржуазию и пр.

Казак Дьяконов заявил, что илецкие казаки неразрывно связаны с уральскими, что они маленькой группой не могут решить эти вопросы и что если все войско признает советскую власть, то они также. Вечером этого казака Дьяконова арестовали и арестовали всю буржуазию в количестве 40 человек. На них была наложена контрибуция в 3 миллиона рублей. На другой день запретили выезд из станицы и началась вакханалия, стрельба, срывание кокард, погон, обыски и аресты офицеров. Образовали местный совет, но казаки отказались в него войти и в свою очередь образовали комитет обороны. Раздали кое-какое оружие по секрету казакам. Тайно послали прапорщика Чернобровкина в Уральск и тайно же послали казаков в Мухрановскую и Студеновскую станицы с просьбой о помощи.

В Совдепе были два казачьих делегата: А.П. Рыбинский¹⁹⁴ и Разживин. Они всячески старались оттянуть время, чтобы казаки смогли организовать. Большевики же нервничали, реквизировали оружие, коней, седла и запретили вечером выходить на улицы. Арестовали прапорщика Юдкина, бывшего в казачьем комитете обороны, и отправили в тюрьму под охраной двух красноармейцев. Проходя по берегу Стари-

цы (старое название Урала), Юдкин выхватил у одного винтовку, ударил его прикладом и стал стрелять по другому, который бежал под берег. Сам же Юдкин где-то спрятался, но его выдал свой же казак, примкнувший к большевикам. Юдкина поймали и расстреляли. Большевики согнали казаков на сход, окружили их красноармейцами и требовали немедленного ответа. Казаки не дали никакого ответа и стали расходиться со схода, красные по ним открыли огонь из пулеметов. Хотя илецкие казаки и не имели еще ответа из Уральска, чаша терпения их переполнилась, на третий день ночью, по набату, — для этой цели был посажен на колокольню старик Набатеев, — выскочили, кто с чем попало, и начали избивать большевиков. Ворвались в Совдеп и совместно с казаками других станиц разгромили Чельшеевскую паровую мельницу, где находились главные силы красных.

Разгром был полный, перебиты были почти все пришедшие и присоединившиеся к ним. Успели спастись только 80 человек. Казаки пощадили только доктора, фельдшера и двух сестер милосердия. К красным шел на усиление еще один отряд силой в 350 человек, но, узнав о событии, повернул обратно.

Это событие потрясло и всколыхнуло все войско. Войсковой съезд послал гонцов по всем станицам, чтобы рассказать об Илеуком бое. В Уральске казаки вынесли постановление собраться у святыни войска — старого Михаило-Архангельского собора, где исстари войско собиралось в важных случаях, отслужить молебен покровителю войска святому архистратигу Михаилу и принести перед войсковыми знаменами присягу в том, что нашу вольность, нашу землю, наш седой Яик, добытые кровью наших отцов, дедов и прадедов, отдать только тогда, когда ни одного из нас не останется в живых. С нами Бог и святой архистратиг Михаил.

И действительно, 14 марта собралось великое множество казаков, отслужен молебен и принесли присягу на верность войску. Из всех станиц посыпались постановления в таком же духе. Несмотря на то что все сознавали, что бороться горсти казаков против необъятной России безумие, все же колебаний не было.

Тщетны были многочисленные попытки уральцев предотвратить войну. Посылали делегатов в Саратов, но их просто арестовывали и расстреливали. И оттуда все время сыпались требования о признании советской власти. Вот одно из них. 20 марта 1918 года: «Уральск. Войсковому Правительству. Немедленно восстановите совет. Освободить членов Исполнительного Комитета. Сдать Совету все оружие. Извещение об исполнении через 24 часа. Если ответа не будет получено, то, по постановлению военного совета, Саратовский совет по-

сылает боевые силы на Уральск на защиту Совета. Председатель Антонов».

После этого ультиматума съездом, а также иногородними предпринимались меры, чтобы избежать конфликта. Иногородние сообщали, что они всецело солидарны с казачьим Войсковым съездом. В это время уральцы уже мобилизовали молодых казаков 18 и 19 постановок и сформировали из них три учебных полка. Придали им лучших офицеров войска, но не было ни урядников, ни вахмистров, так как у войска не было средств, чтобы оплачивать приглашенных урядников и вахмистров. И так как эти полки сразу пошли в бой, то там уже за отличия назначались и урядники, и вахмистры.

Комиссар Антонов исполнил свою угрозу и послал сильный отряд из Саратова, и он, дойдя до казачьей территории, повел наступление на Уральск вдоль полотна железной дороги. Казаки-фронтовики не хотели советской власти, но воевать также не хотели.

В самом начале войны, кроме учебных полков, постоянных частей почти не было, были маленькие партизанские отряды, главным образом из молодых офицеров и учащейся молодежи. Остальные казаки собирались в дружины с выборными командирами и выступали на фронт только в крайней необходимости, после чего снова расходились по домам. И выкинули лозунг: «За грань не пойдем». Казаки упорно желали доказать красным, что не хотят против них воевать и потому просят и их оставить в покое.

Красные, отойдя из Зеленого, оставили после себя ужас, от которого содрогнулись казаки и у некоторых колеблющихся пропала всякая надежда на то, чтобы с большевиками мог быть какой-то стовор. Большевики, после этой неудачи, вели уже по многим направлениям наступления на центр войска из Саратова, из Бузулука, из Александрова Гая, а из Астрахани на Гурьев. Казаки постепенно раскачивались и образовали уже вместо дружин полки.

М.Ф. Мартынов¹⁹⁵ предпринял с небольшим отрядом рейд на Волгу на Иващенковский военный завод, чтобы достать оружие, снаряды и патроны, потому что войско начало войну буквально без оружия. Фурманов в своей книге «Чапаев» пишет, что уральцы захватили этот завод и казнили там зверски 2000 человек. Он сильно уклоняется от истины: уральцы завода не брали. Взят был завод чехами. Уральцы просто приехали, мобилизовали 220 подвод среди мужиков, наложили снаряды и вернулись домой.

В это время красные вели наступление вдоль железной дороги и, несмотря на сопротивление отдельных частей, дошли до хутора Халилова, что в 12 верстах от Уральска, но как раз здесь произошла зна-

менитая атака стариков. Возмущенные тем, что фронтовики не хотят взяться за оружие, и увидев, что столице войска угрожает опасность, они быстро собрались в солидную группу, и повел эту группу также старик полковник Мизинов¹⁹⁶. Казаки были главным образом Кругло-Озерновской станицы. Как оружие они имели только шашки времен турецкой войны и немногие пики и вилы. С фанатическим рвением кинулись в атаку с шестиверстного расстояния и полным наметом смяли первую цепь красных, многих порубили, но когда в дальнейшем наткнулись на бронированные автомобили, то, имея только холодное оружие, ничего с ними не могли сделать. Пришлось отходить.

Многие старики сложили там свои головы, а с ними и их командир полковник Мизинов. Несмотря на то что атака кончилась печально для уральцев, все же она произвела громадное впечатление на красных, и они начали отходить; как раз в это время им в тыл ударил М.Ф. Мартынов, который возвращался из рейда на Иващенкоковский завод. И опять казаки догнали красных до грани и дальше не пошли. После этого события красные повели наступление со стороны Бузулука с большими силами и дошли до Красновской станицы.

Как раз в это время произошло нечто, что очень характерно для уральцев, а именно: старообрядец казак Кабаев организовал крестonosную дружину человек до шестидесяти. Для этой цели он взял из старого собора образ Христа Спасителя и возил его у себя на груди, остальные имели пики с восьмиконечным медным старообрядческим крестом или медный крест на груди. И так Кабаев бросался бешено в атаку, увлекая за собой казачьи части.

Крестonosец

— С ним не страшно... Потому он с крестом и с молитвою ходит. Как скажет: «Не бойся, сынок», — так тебя ни пуля, ни шrapнель не возьмет. Иди, куда хочешь. Только вот ругаться не велит. Как, говорит, выругался, так она и трахнет!

Так говорил молодой казак, сидя у костра, над которым был навешен закопченный чайник. И в голосе казака, и в его фигуре и жестях было столько убедительности, что не поверить ему было нельзя. Человек десять казаков, таких же молодых, сидели вокруг огня и с наивным любопытством слушали рассказчика. Я понял, что говорят о старике Кабаеве. О нем в это время писали газеты, говорили в войске, говорили на фронте. Вот что я знал о Кабаеве. Старик казак, старообрядец, участвовавший еще в походе Скобелева, он не мог примириться с мыс-

лю, что на его родном Яике будут хозяйничать большевики. Он в них видел врагов веры, слуг антихриста, и с ними он решил бороться, но бороться силою веры, силою креста, и к этой борьбе он призывал всех верующих. Он собрал вокруг себя таких же стариков, как и сам, и со своим небольшим отрядом выступил на фронт.

На груди каждого казака этого отряда висел большой восьмиконечный крест, а впереди отряда седой старик вез старинную икону. Это было главное вооружение стариков, и с этим вооружением — с верой и крестом — они делали чудеса. С пением псалмов они шли в атаку на красных, и те не выдерживали, бежали или сдавались в плен и после становились лучшими солдатами в наших полках.

Много побед одержали эти крестоносцы, но с каждой победой все меньше и меньше становилось их. Падали они, сраженные пулей, и, прославляя Бога, умирали, веря, что исполнили долг свой перед Богом, войском и перед Святынями нашими. И осталось их несколько человек, и решили они разъехаться в разные стороны, по разным полкам и там верою своею поддержать и укрепить слабых. В каждый полк привезли по иконе, и эти иконы, вместе со знаменами, были в походах, были в боях. И легче стало воевать казакам, и легче умирали они — как будто вместе с иконой передали им крестоносцы и часть веры своей.

Только старик Кабаев не захотел идти в полк. Не хотел он служить одному полку, а хотел служить всему войску. Ездит по широкой степи и слушает, что делается в ней. Как услышит выстрелы, так и едет на них благословить бойцов-казаков на святое дело и молитвою помочь им. И всегда его появление вдохновляло их, и смелее они шли в бой и одерживали победу.

Мне рассказывал один офицер: шли сильные бои, большевики силою, в несколько раз превышающей нашу, наступали по линии поселков от Соболева на Уральск. Упорно дрались казаки, но не выдерживали и отходили, отдавая поселок за поселком. Отдали хутор Пономарев, отдали Большой и Малый Озерные, отдали Каменный и подошли к поселку Красному. Уже паника охватывала полки, и уже многие говорили, что не удержаться нам, отдадим Уральск. Но вот в разгаре боя, когда большевики густыми цепями повели атаку на поселок Красный и когда уже некоторые части стали отходить, появился Кабаев. Обезьяжая полки, благославляя крестом и читая молитвы, говорил:

— Не бойтесь, станичники, не бойтесь, детки! Ничего он не сделает. Снаряды его рваться не будут, и не собьет он вас. А завтра мы погоним его!

Ободрились казаки. Отступавшие было части перешли в контратаку и отбили противника. К вечеру поселок остался в руках каза-

ков. Но что особенно поразило всех, это то, что действительно перестали рваться снаряды и только со свистом пролетали над нашими рядами и зарывались. Наутро подошло несколько сотен, снятых с другого фронта, и казаки сами повели наступление. Противник был сбит и, оставив в наших руках два орудия, много пулеметов, несколько сот пленных и усеяв степь трупами зарубленных конной атакой 12-го полка, поспешно стал отступать. И гнали его десятки верст, и только на третий день красные остановились в станице Соболевской, где у них были резервы.

Слухи об этом бое быстро разнеслись по фронту, и имя Кабаева повторялось каждым. Я еще не видел его, и представлялся он мне сильным, властным, умеющим владеть людьми и силой воли заставлять их идти на смерть и делать чудеса храбрости, и хотелось мне скорей встретиться с ним и разгадать, в чем же его сила. Но это мне тогда не удалось. Наш полк был переброшен на фланг армии, затем ряд боев, неудачных для нас, отступление, сдача Уральска; я был ранен и эвакуировался в тыл.

Ранней весной, когда стало таять, и степь превратилась в огромное море воды, и можно было проехать только по дорогам, да и то не везде; когда поселки, как маленькие острова, поднимались над водой, казаки начали наступление. Большевики не выдержали и стали отходить, задерживаясь на каждом островке, отчаянно защищая каждый поселок.

Я с сотней получил задание подойти к поселку Владимирскому и занять позицию на сырте перед поселком. Мы выступили. Далеко впереди на черном фоне оттаявшей вязкой степи виднелась какая-то одинокая фигура. Мы на рысях быстро нагоняли ее. Кто-то из казаков сказал:

— Это Кабаев!

И вспомнил я все, слышанное о нем, встал передо мной мощный образ богатыря, и захотелось мне скорей увидеть его, поговорить с ним. Он остановился, повернул коня и шагом поехал навстречу нам.

Когда он подъехал ближе и я мог ясно разглядеть его, я подумал, что казаки ошиблись, так он был не похож на того, каким я его себе рисовал. Передо мной на великолепном белом коне сидел небольшого роста старик. Одет он был в белый китель, синие с малиновым лампасом шаровары и большие сапоги. Голова его была не покрыта, и его длинные, цвета пепла, седые волосы были перевязаны черной лентой, и только концы их слегка трепал свежий весенний ветер. На груди у него, на массивной цепи, висел серебряный восьмиконечный крест и большая икона. Его чуть сутуловатая фигура говорила о том,

что он сильно устал, и, несмотря на то что он еще бодро сидел в седле, весь вид его не напоминал воина. Его морщинистое серое лицо, окаймленное тоже серой седой бородой, на первый взгляд не представляло ничего особенного, и только серые глаза были интересны. В них светилась бесконечная доброта, любовь и наивность, но в них не было энергии и решительности вождя. И, глядя в эти глаза, я понял, что только его доброта, любовь и вера заставляют казаков верить ему и идти на смерть. Он подъехал к сотне и тихим голосом сказал:

— Снимите шапки.

Как один, казаки исполнили его приказание. Затем он благословил сотню своим крестом.

— Не бойтесь, детки, Господь с вами, идите и делайте свое дело во имя Его. Ни один волос не упадет с головы вашей, если не будет на то воля Господня!

Повернул коня и рядом со мной, впереди сотни, поехал, напевая псалмы и изредка обращаясь к казакам с краткими ободряющими словами. Мы подвигались ближе и ближе к поселку. Вдруг раздался выстрел, со свистом пронеслась граната и разорвалась за сотней, подняв столб воды и черной грязи. За ней другая, третья, и начался обстрел. Мы шли в колонне. Рассыпаться нельзя было. Везде мокрая, вязкая степь. Кабаев ехал шагом и пел псалмы, и удивительно спокойно шли сзади казаки... А гранаты рвались, рвались со всех сторон. Наконец мы вышли из обстрела и на несколько минут остановились за прикрытием увала. Кабаев не остался с нами. Он еще раз сказал нам, чтобы мы не боялись, и, обещав приехать к нам на позицию, шагом поехал в степь.

Нам предстояло пройти еще около 300 сажен открытого места, и тогда мы — у места назначения, за сыртом, на гребне которого надо окопаться. Эти триста сажен были под пулеметным огнем. Рассыпавшись лавой, двумя эшелонами, разомкнувшись, насколько позволяла местность, мы карьером проскакали это место и очутились за прикрытием, по крайней мере от пулеметов. Следующая сотня уже не смогла пройти здесь. Она, понеся потери ранеными, должна была вернуться.

Выбрав позицию, мы окопались и потом, оставив в окопах только караул, отошли к коноводам. Занятая нами позиция оказалась единственным удобным подходом к поселку; краевые знали это, а потому они, решив нас выбить оттуда, направили всю силу своего огня на наше расположение. После недолгой пристрелки они нащупали нас, и огонь их начал наносить нам урон. Уже появились раненые; вывезти их мы не решались, так как единственная дорога была под сильным пулеметным огнем, и они должны были оставаться под обстрелом.

Подошедшая к полю боя дивизия рассыпалась и стояла вдали, наблюдая за разрывами шрапнелей над нашей сотней. Несколько раз от нее отделялись сотни и старались прорваться к нам, чтобы, накопившись здесь, начать наступление, но каждый раз, как только они подходили к дороге, ведущей к нам, их встречал пулемет и они, неся потери, отходили обратно. Только одной сотне удалось пройти, проскочив место пулеметного обстрела, карьером, по одному.

Положение наше становилось хуже и хуже. Если за сыртом нас не доставали пули, то шрапнели рвались прямо над нами, и скрыться от них было некуда. Притихли казаки, и каждый только ждал, что вот-вот придет и его черед, и ему придется раненому лежать тут же и ждать новой раны.

— Кабаев едет! — услышал я чей-то голос, полный радости.

И действительно, на белом коне, в белом кителе, шагом ехал он по тому месту, которое не могли пройти сотни. Вокруг него, под ногами его лошади, взлетали небольшие куски грязи — это пулеметные пули срывали кочки дороги. В это время вся его фигура была удивительно величественна в своем спокойствии и пренебрежении к смерти.

Он медленно подъехал к сотне, слез с коня, осмотрел, не ранен ли он, и отдал его подбежавшему казаку. Казаки сами сняли шапки, а он благословил их, снял с груди крест и икону, поставил их перед сотней и стал молиться, громко читая молитвы. Все молились с ним, забыв о том, что над головой со свистом и визгом рвутся шрапнели. Окончив молитву, он пошел к окопам, где был караул. Как только он показался на гребне сырта, затрещали пулеметы и пули с характерным свистом понеслись над нами, падая сзади нас в воду, разбрызгивая ее маленькими красивыми фонтанами. А он шел и пел псалмы. Спустился к окопам и, под свист пуль и вой гранат, начал и там свою молитву. Вернулся, перекрестил нас, сел на коня и шагом уехал. Вскоре обстрел стал затихать, а потом и совершенно прекратился.

С темнотой мы отошли в ближайший поселок, и далеко за полночь утомленные казаки вспоминали переживания этого дня и говорили о Кабаеве. Но странно, ни один не удивлялся его храбрости, и только изредка кто-нибудь говорил:

— Ему что, его убить не может, потому он с крестом ходит!

Такова была моя первая встреча с этим героем.

Второй раз я его видел летом. Я, раненый, ехал по Уралу на санитарной барже. Вечером, когда я сидел с другими больными на палубе, к нам подошел на двух костылях старик, в халате, с непокрытой головой, перевязанной черной лентой. Я узнал Кабаева. Он подошел и сел рядом. Обе ноги его были забинтованы. Я заинтересовался, как

он был ранен, и он мне рассказал, как он шел в цепи, наступающей на занятый большевиками Уральск, как около него убили казака и как он выругал красных — «у, проклятые!» и сейчас же был ранен в ногу. Но он продолжал идти. Убило другого казака около него, и ему стало страшно; как только почувствовал он страх, так упал, раненый в другую ногу.

— Никогда не ругайся, сынок, и не бойся в бою, а иди с молитвою, и Господь сохранит тебя, — закончил он свой рассказ.

В Калмыкове я остался, а он поехал дальше.

Прошел почти год. Войско оставило свою область и ушло с атаманом «от красных лап в неизвестную даль». Казаки были рассеяны по разным странам. В Крыму еще держались богатыри Врангеля. Я жил в Севастополе, лечась от ранения, полученного еще в войске. Однажды, выходя после обедни из собора, я увидел у изгороди знакомую фигуру. Это был Кабаев. Он был на костылях, с непокрытой головой, в каком-то больничном халате, с восьмиконечным крестом на груди. Прохожие принимали его за нищего, и некоторые подавали ему свои гроши, но он их не брал.

Я подошел к нему. Он меня не узнал, а когда я сказал, что я уралец, он заволновался и начал быстро, быстро рассказывать мне, что хочет собрать крестоносцев и идти освобождать Россию и родное войско. Я начал расспрашивать его, как он попал сюда, и услышал целую историю, как его увезли на Кавказ лечить раны, затем куда-то за море, куда, он не мог сказать, сказал только, что там были англичане, которые в Бога не верят, и его кипарисовые крестики, которые он делал и давал им, они не брали совсем или не носили на груди, как надо. Рассказал, как в море, во время бури, он молитвою спас корабль от крушения, наконец, что стало ему скучно по родной России и по войску и он со слезами упросил привезти его на Родину. Долго мы стояли у церковной ограды, и прохожие с удивлением смотрели на нас.

Потом я узнал, что его в Севастополе многие знали, да и сам я часто видел его после на базаре. Он стоял где-нибудь, окруженный небольшой кучкой народа, и призывал вооружиться крестом и идти против сынов антихриста. Но то, что можно было сделать на Урале, было невозможно в Севастополе. Толпа мелких торгашей и крупных спекулянтов не поняла его и считала юродивым, и около него, проповедника веры, сыпались шутки и базарная брань. Только изредка какая-нибудь женщина, протягивая ему сотенную бумажку, говорила:

— Помолись, родной, о душе новопреставленного воина...

Он не брал денег, но вынимал старый потертый поминальник и дрожащей рукой вписывал туда имя убитого.

Пришел октябрь 1920 года, и Крым был оставлен нашими войсками. Кабаев остался. Что с ним теперь, жив ли он, призывает ли опять с молитвою и крестом идти против слуг антихриста, или какой-нибудь латыш разбил прикладом его седую голову? Никто не знает. Вспомнит ли кто-нибудь о нем? Да и живы ли те, кто знал его? А может быть, через много лет, где-нибудь на берегу Урала или в широких уральских степях седой старик, сидя у костра, будет рассказывать своим внукам о великих подвигах войска, вспомнит Кабаева и скажет: «Да, с ним было не страшно... Потому он с крестом и с молитвою шел...»

* * *

Здесь, в этом бою под Красновской станицей, опять проявил себя героически наш Матвей Филаретович Мартынов. Будучи ранен, он не мог вести в атаку казачьи части, сидя на коне. Он взял легковой открытый автомобиль и, стоя в нем, повел части в атаку на красных. Шофер был ни живой ни мертвый, но все-таки исполнял приказания Мартынова. Сражение закончилось полным разгромом красных. Много их было порублено, много взято в плен. Со стороны красных войсками командовал Чапаев, и, по свидетельству Кутякова, он был разбит наголову.

Постепенно казаки бросают принцип «за грань не пойдём». Кстати, великолепные учебные полки не придерживались этого принципа и непрерывно дрались на чужой территории. На Сламиханском фронте полковник Н.Н. Бородин¹⁹⁷ не раз ходил за грань, он занимал Александров Гай и даже Новоузенск. Уральцы принимали участие, правда маленькими частями, при взятии чехами Бузулука, Самары и Казани. Уральцы принимали участие в организации Комуча в Западной Сибири. Уральцы держали связь с Добровольческой армией генерала Деникина. Уральцы держали связь с адмиралом Колчаком. Уральцы оказывали помощь и оренбургским казакам.

Оренбуржцы, в свою очередь, когда оправались, присылали нам свои части. Я помню, в 1919 году встретил на фронте 13-й Оренбургский полк под командой полковника Булакова. Но в конце-то концов, уральцы не принадлежали ни к одной из Добровольческих армий, а были все время изолированы и самостоятельно вели войну. Поэтому во многих трудах, описывающих действия добровольческих армий, нет почти упоминаний о героической борьбе уральцев.

Восемь раз вели наступление на Уральск красные, всякий раз все большими силами, и восемь раз казаки отбивали эти наступления,

и наконец, девятый раз громадными силами, уже зимой, в январе 1919 года красные повели наступление на день раньше назначенного срока, что спутало, до известной степени, планы казаков, и главная надежда казаков — учебные полки были на Бухарской (Зауральной) стороне, не оправдала себя. Несмотря на геройские усилия командующего армией генерала Мартынова, который, будучи ранен в четвертый раз, метался по фронту в санях, запряженных парой лошадей, Уральск был сдан 11 января по старому стилю. На другой день подошли учебные полки, уральцы ворвались в город и почти весь его захватили, но сразу же кинулись кто навестить родных, кто куда. Красные оправились и вытеснили казаков. По советским источникам выходит, что главная причина, почему красным удалось взять Уральск, это глубокий снег, мешавший казакам производить конные атаки, в которых они были особенно сильны, и что уральцы кинулись расхищать интендантское имущество красных.

Официальным девизом уральцев, выработанным на Войсковом съезде, был: «За веру, родину, Яик и свободу». Выпущен был орден Святого Архистратига Михаила с этой надписью на нем. Орденом этим награждались воины за отличия. В Учредительное собрание был избран делегат Н.А. Бородин, бывший член Государственной думы первого созыва, кадет. Причем, как известно, в Учредительное собрание выбирался делегат от каждых 250 тысяч населения, а в Уральском войске такого количества казачьего населения не было, а было немногим более 200 тысяч, поэтому казакам нельзя было разбивать голоса на других претендентов и рекомендовать всем голосовать за Бородина. Среди казаков же это была борьба за свою независимость и волю. Недаром в самом начале войны была популярна песня:

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.

В песне говорится о неравной борьбе буров с англичанами, и уральцы сравнивали себя с бурами, боровшимися за независимость.

К октябрю 1918 года армия состояла из 17 казачьих полков численностью приблизительно по 600 человек, Оренбургский казачий полк, Семеновская дружина, пришедшая откуда-то с Волги, 33-й Николаевский стрелковый полк. Численность армии нужно считать до 18 тысяч, из них приблизительно была одна треть пехоты при 120 пулеметах и 50—60 орудиях, которые в большинстве случаев были взяты с бою.

Всю главную часть этой борьбы приняли на себя три учебных полка. Командир 1-го полка полковник Курин¹⁹⁸, герой Германской войны, был убит в самом начале своим же преждевременно разорвавшим-

ся снарядам. Его заменил полковник В.И. Донсков¹⁹⁹. Командиром 2-го полка был полковник Беляев. Этот полк был частью пеший и находился на Илецком фронте. 3-й полк формировал А.Н. Карташев, но он вскоре был заменен полковником Быковым²⁰⁰. Затем Быков очень скоро был убит.

Дрались уральцы на четырех фронтах. Казаки мобилизовали все казачество, иногороднее же население края не мобилизовали и не мобилизовали и крестьян, когда занимали города и селения Самарской губернии. В Уральске скопилось очень много офицеров Русской армии и было богатое чиновничество и купечество, но они не пошли с нами, — чего они ждали, я не знаю. Ведь большевики были такие же враги и для них, как и для нас, казаков. Редкие пошли к нам добровольцами, и некоторые проявили большое геройство и стойкость — их всех приняли в казаки. Многие поустраивались на тыловых должностях, по всей линии, во всех поселках это были коменданты, заведующие какими-нибудь складами и т. д. Некоторые занимались спекуляцией. В общем — грустная картина.

Тогда как казачьи офицеры все были на фронте, и был такой сотник Арчашников²⁰¹, который был ранен девять раз и после короткого лечения снова возвращался на фронт. И казаки забрали даже тех казаков, которые при царском режиме были освобождены от военной службы по каким-либо болезням.

Многих иногородних приняли уральцы в казаки. Даже приняли двух евреев. Был принят в казаки инженер еврей Пейрос, который изобрел какую-то машину, которую прицеплял к бронированному поезду и она коверкала рельсы при отступлении, но согласно казачьей традиции переменили фамилию на Пейросов. Другой по фамилии Гурфейн поступил в нашу армию и выказал себя молодцом; приняли его под фамилией Гурфейнов. И это, кажется, не первый случай принятия евреев в казачество. По свидетельству генерала Хагондокова, на Дальнем Востоке во время Японской войны был принят уральцами боевой еврей по фамилии Гуревич. Но, кажется, он в войско не попал.

Когда пал Уральск, то там к большевикам присоединилось очень много иногородних, которые казаков ненавидели. Начались аресты, расстрелы и грабеж. Одна гимназистка казачьей женской гимназии, еврейка Роза Бух почему-то сразу приобрела власть и, вынеся стул на Урал, преспокойно села на него перед большой прорубью и пристреливала собственноручно всех, которых приводили к ней красноармейцы, и трупы их сталкивали под лед. Красные как в Уральске, так и во всех поселках, которые они занимали, стреляли в течение всей ночи в воздух. Сколько они тратили пуль, по-видимому, они их имели в без-

граничном количестве, и как они могли спать при такой стрельбе. И для чего они это делали, чтобы показать, что они бодрствуют?

Закрепившись в Уральске, красные повели наступление ниже Уральска по нижней линии, которая представляла собой беспредельную цепь поселков по реке Уралу. Это прежние форпосты для защиты России от зауральских кочевников, протяжением до Гурьева в 500 верст. А также они повели наступление на Александров Гай Самарской губернии, на станицу Сламихинскую, чтобы, взяв ее, выйти на Урал в тыл казакам. У казаков после падения Уральска мораль сильно пала и началось даже разложение армии, многие казаки решили разехаться по домам. Красные очень легко дошли до города Лбищенска и без боя взяли станицу Сламихинскую. Фурманов в своей книге «Чапаев» подробно описывает бой под Сламихином, но он оказался большой фантазер. Боя не было, был небольшой заслон, чтобы дать возможность эвакуироваться населению.

Войсковой съезд, обосновавшийся в это время в Калмыкове, искал выхода из положения и пришел к решению выбрать войскового атамана. Все взоры остановились на генерале Владимире Сергеевиче Толстове²⁰². В. Толстов, георгиевский кавалер Германской войны, был сыном генерала С.Е. Толстова, бывшего одно время наказным атаманом Терского казачьего войска. Будучи в Гурьеве, он проявил большую энергию и организовал прекрасную защиту Гурьева от попыток красных завладеть им из Астрахани. Слава о нем шла хорошая. Толстов выставил свои условия, можно сказать диктаторские. Съезд, не занятые красными станицы и воинские части приняли эти условия, и В.С. Толстов был избран на пост войскового атамана 11 марта 1919 года.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЭКСТРЕННОГО СЪЕЗДА УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

№ 619

10 марта 1919 года

Идя навстречу желаниям и требованиям населения станиц, не занятых большевиками, и организованных воинских частей о необходимости вручения власти одному лицу, Войсковой Съезд постановил: запросить станицы и войсковые части, согласны ли они временно, до освобождения войсковой территории от большевизма, избрать Войсковым Атаманом генерал-майора В. С. Толстова и вручить ему неограниченную власть как над жизнью и смертью воинских чинов, так и над гражданским населением войсковой территории, при условии Войсковой Съезд временно не распускать. Съезд берет на себя обязанности помочь Войсковому Атаману по приведению в порядок всего войско-

вого достояния, боевых припасов и финансовых средств, оставшихся в руках Войска, и в деле снабжения всем необходимым армии.

Настоящие условия предлагаются генерал-майором Толстовым как единственные, на которых он соглашается встать во главе правления войсковой территории и Уральского отдельной армии.

Подлинное подписано: за председателя Съезда *П. Овчинников*,
товарищу его *Иванаев*
и секретарь *Истомин*.

Копия. Постановления Экстренного Съезда Уральского Казачьего Войска на 11 марта 1919 года.

Войсковой Съезд, заслушав приговора Частей и Станиц об избрании Войсковым Атаманом генерал-майора Толстова, считать избранным на пост Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска, с правами, означенными в постановлении Съезда от 10 марта с. г. № 619.

Подлинное подписали: За председателя Войскового Съезда
П. Овчинников,
Товарищу председателя *Иванаев*,
Секретарь *Истомин*.

Со времени выбора войскового атамана начинается второй период борьбы уральцев за независимость. К этому времени красные войска были в Абищенске. Разрозненные же казачьи части и остатки учебных полков находились в Мергенева. Красные прислали делегатов, из них главный был Конде, из французов, и в одном из домов был устроен митинг.

Вот вам, по свидетельству есаула И.Д. Яганова²⁰³, описание того, как развернулись события. Штаб армии, находившийся в Сахарновской станице, узнал заранее о предстоящем митинге и выслал полусотню юнкеров под командой есаула М.Е. Мясникова, которая должна была, не доходя Мергенева, ждать дальнейших приказаний. В 4 часа утра 20 марта вышла вторая полусотня юнкеров под командой хорунжего, в то время И.Д. Яганова, со взводом конной батареи и присоединилась к первой полусотне. В это же время прибыл в автомобиле атаман и заявил:

— Я выбран атаманом, в войске завелась зараза, я ее хочу вырвать с корнем.

Сел в автомобиль с начальником штаба Моторновым²⁰⁴ и быстро поехал в Мергенева, за ним наметом шла полусотня юнкеров с хорунжим Ягановым и полковником Кирилловым²⁰⁵.

По приезде в Мергенева полусотня окружила здание, где происходил митинг и где Конде предлагал прекратить войну и признать со-

ветскую власть. Когда вошел туда незаметно атаман с Моторновым, как оратор выступал диакон Горячинского поселка казак Спириин. Спириин убеждал казаков сдаться, что невозможно драться со своими братьями солдатами и прочее. Один казак сказал на все эти речи, что у нас теперь выбран войсковой атаман и что с ответом нужно подождать до его приезда сюда. Спириин снова продолжал:

— Довольно проливать кровь, против кого воюем, что нам атаман, он разезжает себе по Гурьевам и пьянствует.

При этих словах атаман Толстов вышел на середину и громко крикнул:

— Я атаман, расстрелять их сейчас же!

Юнкера моментально схватили Спирина и трех советских делегатов и на дворе их расстреляли. Перед расстрелом Спириин упал на колени и просил пощады, тогда как Конде вел себя мужественно и сказал:

— Что ж, умрем, но знайте, что в конце концов мы победим.

Всех ж остальных, бывших на митинге, разделили на две партии. Оказывается, ранее были посланы туда казаки учебных полков, всегда верных казачеству, чтобы узнать, кто из присутствующих сочувствует большевикам. Атаман подошел к группе сочувствующих и приказал им вырыть во дворе яму, настолько большую, чтобы они все туда поместились. Момент был жуткий. Но эту угрозу в исполнение он не привел. После того как расстрелянные были похоронены, всем сочувствующим было дано по 100 плетей, а всем остальным по 25.

Это событие имело громадное значение в истории войска во время Гражданской войны. Сейчас же было отбито наступление красных на Мергенев и произошел первый Абищенский бой, когда красные были разбиты наголову и территория до самого Уральска была очищена. Теперь уже и фронтовики взялись за оружие как следует. Организовались великолепные полки. Произошло много блестящих боев, в большинстве из них красные разбивались наголову.

Тактика казаков была почти одна и та же: они всегда атаковали на зорьке, а в дневных боях, в конном строю шашка решала дело. Уральцы не любили служить в пехоте, поэтому у них было мало казачьей пехоты, а была пехота из присоединившихся к нам русских. В смысле воинов уральцы, конечно, выше красных солдат, из которых много было мобилизованных красными. Когда казаки чувствовали, что им не совладать с противником, они просто отходили. Но вся трагедия у уральцев была в том, что пополнения не было никакого. Полки убывали. Учебные полки дошли сначала до дивизиона, а потом сошли на нет. Красные же имели неисчерпаемые запасы и людей, и оружия, слали все новые и новые части, каждый раз увеличивая численность.

У уральцев начались болезни — сыпной тиф и испанка. Не было ни одного человека, который бы не болел сыпным тифом. Многие умирали от него. А испанка в три дня доводила до могилы человека, который никогда ничем не болел. Лазаретов было мало, медицинских средств никаких, то, что иногда доставали на Кавказе, было далеко не достаточно.

Всех тяжело раненных отправляли на Кавказ. Вся казачья нация целиком делала непосильную работу. По линии от Уральска до Гурьева, на протяжении 500 верст, казаки, старики и дети на подводах везли раненых, снаряды и продовольствие. Казачки выпекали хлеб для всей армии. Так как эта часть территории войска пустынная, там хлеб не родился, то начали его доставать на Бухарской стороне у хохлов-переселенцев и на Кавказе. И наш генерал Шипов доставал его у кубанских казаков. Этот генерал рассказывал, что кубанцы берегли свой хлеб и многим отказывали. Но когда узнавали, что этот хлеб нужен до зарезу, то охотно продавали. Казачья солидарность.

18 марта 1919 года умер от последнего ранения герой войска генерал Матвей Филаретович Мартынов. Вот приказ атамана Толстова: «Казаки! Вчера в шесть часов 45 минут утра скончался талантливый, храбрый из храбрых, витязь родного Войска генерал-лейтенант Матвей Филаретович Мартынов. Войско понесло крупнейшую потерю. Да будет он примером в бою и в жизни каждому, кому суждено остаться в живых. Пусть каждый передаст в потомство, кем был Матвей Филаретович для своего Войска. Мир праху твоему, витязь без страха и упрека. Да послужишь ты примером всем любящим родное Войско. Генерал Толстов».

В очень короткое время все войско было освобождено, кроме Уральска. Уральск долгое время был совершенно отрезан от красных. Летом пытался крупный отряд красных прорваться к Уральску по линии железной дороги, и главные его силы были уже в Зеленом, а ближайший тыл с резервами и интендантским имуществом был в Каменской станции на станции Шипово. Казаки атаковали на зорьке это Шипово под командой полковника Сладкова и совершенно ликвидировали отряд, захватив много пленных, орудия и массу снаряжения и прочее. Главный отряд красных, бывший в Зеленом, спасовал и начал отходить в Самарскую губернию на город Николаевск. Казаки его преследовали, но уничтожить его не удалось. Идя за ним, казаки заняли город Николаевск. Помню случай, когда одной сотне приказано было собрать сход мужиков громаднейшего села Перелюб. На этом сходе командир сотни объявил мужикам, за что уральцы борются, предложил им вступить в наши ряды, обещая дать оружие. Мужики ответили, что своих детей

они не дадут ни белым, ни красным. А стоило только нам отойти обратно на свою территорию, пришли красные и объявили мобилизацию пяти лет, и мужики не протестовали.

Летом же было предпринято наступление на Уральск. Для этой цели казаки собрали с ближайших станиц, лежащих на Урале, большое количество рыболовных будар (лодок) для переправы через реку Чаган. Уральск расположен в вилке между Уралом и широкой рекой Чаганом, впадающим в Урал. Командовал боем старый генерал Чернышев, и бой окончился полным поражением казаков. На зорьке эти казаки подтянули эти будары и стали на них переправляться через Чаган, но были встречены бешеным артиллерийским и пулеметным огнем из сильно укрепленного Уральска. Так как кто-то и где-то опоздал, эти казаки на бударах, не поддержанные, были почти все перебиты. Это за всю войну самое большое поражение казаков. Считают, что около 1000 человек погибло. Атаман не мог себе простить того, что назначил генерала Чернышева командовать этим боем.

После всех этих событий красные снова повели наступление на Уральск на соединение с осажденными красными; на этот раз шла 25-я дивизия, командиром которой был советский герой Чапаев. Дивизия эта была переброшена с Колчаковского фронта, пришла она из под Самары и почти без боев дошла до Уральска. У уральцев не было никакой возможности оказывать сопротивление везде.

Красные впоследствии повели наступление снова из Уральска ниже по Уралу, уже к осени дошли до Абищенска и спустились ниже до станицы Сахарновской. В Уральске было уже катастрофическое положение, все нижние станицы были переполнены беженцами, так как все население станиц, боясь зверств, уходило при приближении красных, больными, ранеными и красными пленными, с которыми абсолютно не знали что делать. Не было хлеба. Решено было, чтобы поправить немного положение, атаковать красных в городе Абищенске, где находились штаб Чапаева, его курсанты, масса провиантских складов и резервные части.

Назначенным отрядом командовал полковник Т.И. Сладков²⁰⁶. Отряд выдвинулся в степь, прошел скрытно 120 верст и очутился на высоте города Абищенска. По дороге встретили массу порубленных красных, валявшихся непогребенными. Это уральцы незадолго до этого разгромили отряд красных, вышедший с линии в степь.

На зорьке 5 сентября спешили казаки, ворвались в город, и начался ужасный уличный бой. Фурманов в своей книге «Чапаев» довольно верно его описал. Разгром красных был полный, несмотря на то что они упорно сопротивлялись, только единицам удалось бежать,

переправившись на Бухарскую сторону через Урал. И сам Чапаев был убит на Урале, когда он бежал на лодке. Казаки потеряли 150 человек, в их числе замечательный полковник Бородин. Захвачено много пленных и масса трофеев. Этот блестящий бой, можно сказать, был лебединой песней уральских казаков. Уральцы окончательно выдохлись, станицы были полны больными тифом. Каждое утро нагружали большие рыдваны трупами умерших — этим занимались пленные красные.

Их сваливали в большие вырытые ямы. Кони у казаков были измучены, кормить их было нечем. Начал ощущаться голод, так как красные весь скот угоняли из захваченных станиц куда-то за нашу грань. После этого разгрома красных в Абищенске их головной отряд, бывший в Сахарновской станице, струсил и начал отходить по направлению к Уральску. Разгромить этот отряд уральцам не удалось, он, уходя из станицы Сахарновской, наложил снаряды в великолепный собор псковского стиля и подорвал его.

Прошел этот отряд Абищенск и увидел весь ужас бывшего здесь боя, так как трупы еще не были убраны. Выйдя из Абищенска, отряд начал сжигать все станицы и поселки до самого Уральска на протяжении около 200 верст. А некоторое время спустя красные, оправившись, снова повели наступление вниз по Уралу и на станицу Сламихинскую и ясно увидели, что, в сущности, воевать-то им уж не с кем. В станицах они увидели полные избы умирающих людей и на улицах трупы умерших.

По свидетельству полковника Т.И. Сладкова, который в это время конца 1919 года был назначен начальником штаба армии, атаман создал полк, названный «Атаманским полком Спасения», и сам решил руководить операциями. Полк насчитывал 350 человек. В середине декабря полк вышел на фронт, но в это время красные выслали парламентаров для переговоров. Атаман приказал выслать от частей по одному офицеру и казаку для присутствия при встрече с парламентарями. Ввели двух парламентаров, первый производил впечатление интеллигентного человека, второй же был из красной кавалерии кубанского сотника Попова, громадного роста, упитанный и довольно развязный. Оба вошедших сделали общий поклон, и старший заговорил, сильно волнуясь:

— Я, как парламентар, прислан к вам передать пакеты.

Пакетов было четыре: от Совета народных комиссаров за подписью Ленина, Троцкого, Каменева и др., от командующего Юго-Восточным фронтом Фрунзе, от начальника Уральской группы и от начальника фронтовой группы. В последнем говорилось: «Командующий

1-й Красной армией, отдавая справедливость героизму Уральской армии, считает для себя невозможным продолжать вооруженную борьбу с противником, который путь своего отступления устилает трупами людей, умирающих от эпидемий. Поэтому командующий армией предлагает прекращение боевых действий на условиях...» Дальше перечислялись условия. Ультиматум уральцы оставили без ответа и начали собираться в поход в Среднюю Азию.

Прежде чем приступить к описанию дальнейших событий, я немного задержусь на некоторых сведениях. Скажу о полковнике Тимофее Ипполитовиче Сладкове. Он был приемным сыном полковника Сладкова, бездетного. Приемный отец его дал ему военное образование. Т.И. Сладков окончил Елизаветградское военное училище и поступил в гвардию в Донской Атаманский полк. Был обаятельный, веселый, большой ухажер, но сильно отличался от типа уральца-офицера. Он выдвинулся настолько, что ему поручались сборные отряды в четыре-пять полков. Он командовал такими великолепными боями, как Шиповский и, особенно, Абищенский. И несмотря на это, к нему было какое-то предубеждение, а может быть, и зависть. Но казалось, что он не искал популярности, а был всегда весел и ровен со всеми в своих отношениях.

Так как во время Гражданской войны была большая убыль в офицерах, производились казаки за отличия в офицеры для пополнения офицерского состава, но этого было мало. Была организована школа прапорщиков с начальником полковником Исеевым во главе. До падения Уральска она находилась в Уральске. После она стала находиться при штабе армии и больше воевала, чем училась. После того как учебные полки, после колоссальных потерь, сошли на нет, то начальником школы был назначен полковник В.И. Донсков, командир 1-го учебного полка.

Во второй период войны, когда был выбран атаман, была произведена полная реорганизация армии, полки, кроме учебных, стали называться по станицам и были новые пришельцы. Назову конный отряд Позднякова, пришедший из Александров Гая Самарской губернии, Сафаровская татарская рота, пришедшая из татарского села Сафаровка, Партизанский небольшой отряд Решетникова, отряд терца Бичерахова с Кавказа, с бронированными автомобилями, был еще перешедший от красных Покровско-Туркестанский полк, численность его не знаю, вероятно, были и еще какие-нибудь части. Части эти были все хорошие, но нужно особенно выделить татарскую Сафаровскую роту.

Приведу несколько отзывов об уральцах как воинах. По свидетельству войскового старшины Е.Д. Коновалова, бывшего представителем

атамана Толстова при адмирале Колчаке, однажды на Войсковом круге Сибирского казачьего войска, в городе Омске, в присутствии всех союзных миссий, адмирал Колчак произнес речь. В ней он давал оценку, с полной беспристрастностью, участия казачества в борьбе за освобождение Родины. Он говорил о героизме и жертвах казаков. Особенно сильное впечатление на присутствующих произвели с подъемом сказанные им слова о небольшом, но сильном духом уральском казачестве. В уральцах он видел пример, обязывающий к подражанию.

— Ставлю уральцев на первое место, — сказал адмирал.

Генерал Деникин сказал одному из наших представителей:

— Вот если бы все казаки были как уральцы.

И вот советские отзывы. Из книги Фурманова «Чапаев»: «Это вам были не Колчаковские мобилизованные мужички. Здесь что ни казак, то непримиримый враг советской власти». Из книги Кутякова «Разгром белой Уральской Армии»: «...Уральское командование прекрасно оперировало своими частями не только на поле боя, но и на всем театре... Уральское командование правильно учло подвижность своей конницы. Перегруппировки и переброски, как правило, производились ночью, чем достигалась скрытность, а следовательно, и внезапность. Конные массы белых появлялись там, где их не ждали, и обрушивались на красные полки, окружая их и изматывая огнем и атаками... Командующий белой группой ген. Мартынов принял личное участие в бою за Уральск и нашел смерть как рядовой боец на улицах атакованной нами столицы белого казачества... Несмотря на то что красными открывался частый бурный огонь, выпускались сотни тысяч ружейно-пулеметных патронов, казачьи конные массы сплошь и рядом все же доводили до конца свои атаки...»

Одно короткое время командовал армией не казак, генерал Савельев²⁰⁷, но, кажется, он себя особенным ничем не проявил. Были два полковника Изергин²⁰⁸ и Тетруев²⁰⁹, присланные от Деникина. Изергин командовал корпусом, а Тетруев же — отрядом, защищавшим Гурьев от Астрахани. Был полковник Генерального штаба Моторный; он был в нашей армии начальником штаба армии и был очень популярен, казаки приняли его в казаки под фамилией Моторнов.

Я раньше упомянул о сходе мужиков, собранных по приказанию командира казачьей сотни в громадном селе Перелюб. Они отказались нам оказать помощь. Здесь очень оправдалась русская поговорка: «Гром не грянет, русский мужик не перекрестится». В последнем бою в Абищенске мне достался портфель одного советского комиссара, где были официальные документы, где говорилось о том, как в окрестностях этого села Перелюб вспыхнули крестьянские восстания,

как крестьяне уничтожили два карательных отряда и, наконец, третий отряд, гораздо более сильный, с артиллерией, жестоко подавил эти восстания. А ведь только два-три месяца перед этим казаки их звали на борьбу, предлагая оружие и все необходимое. И уже после Абищенского боя к нам выбежали оттуда четыре человека, пройдя расстояние не менее 300—400 верст. Они полностью подтвердили эти документы. Один из них штабс-капитан, фамилию не помню, поступил в наш Чижинский полк, оказался очень боевым и, бедняга, в первом же бою был убит.

Теперь о киргизах. Букеевские киргизы на нашей территории не принимали никакого участия в войне и в душе, вероятно, были на стороне красных, так как красные им обещали золотые горы. Что же касается зауральских киргизов, которые после революции создали как бы государство Алаш-Орду, то они за спиной у казаков не имели общения с большевиками и создали с помощью уральцев небольшую конную армию. Уральцы им дали оружие, и они как будто притязали, что они наши союзники. Но стоило только рухнуть нашему фронту, как они стали вылавливать отдельные небольшие группы уральцев и их или уничтожали, или выдавали красным. Так они вырезали штаб Илецкого корпуса, разбросанного по отдельным киргизским землянкам. Погиб зарубленный генерал В.И. Акутин²¹⁰, командующий корпусом, также такие видные генералы, как Загребин²¹¹ и Балалаев.

У уральцев не было большого предательства, но все же было. Вот те случаи, о которых я знаю. В самом начале войны прапорщики Н. Кузнецов и Хохлачев вели пропаганду за большевиков, были уличены, судимы и расстреляны. Доктор Ружейников примкнул к большевикам и из Саратова приезжал как делегат, уговаривал казаков признать советскую власть. Этого с миром и отказом отпустили. Депутат Каменской станицы, казак Кулаков, который еще на Германском фронте убеждал уральцев сдать оружие красным, присоединился к мнению доктора Ружейникова. Его лишили депутатского звания. Слышал про есаула Каймашникова, который будто бы был арестован. Слышал про студента Ф. Сергина. И был такой хорунжий Виктор Рябов. Обыкновенно к красным шли люди обиженные Богом или людьми. Рябов же окончил Оренбургское военное казачье училище вахмистром, спортсмен, георгиевский кавалер. Что потянуло его к красным? Мало этого — он поступил в Красную армию, дрался против уральцев, однажды под хутором Астраханкином провел отряд красных известной только казакам балкой и напал на уральцев неожиданно. Казаки его поймали и расстреляли. В моей станице оказалось семь или восемь казаков из молодых, которые перешли к крас-

ным; им также не повезло. Их поймали свои же казаки и всех расстреляли. Удалось бежать только одному Шапошникову, самому озлобленному.

По свидетельству атамана, были большие неприятности с Илецким корпусом. Однажды они бросили своих офицеров и своего командира полковника Балалаева и, под начальством подхорунжего Борханскова, ушли на Зауральскую сторону. Причина была та, что они хотели, прежде всего, освободить свои станицы. С ними было много возни даже и в то время, когда им стал командовать заслуженный генерал Акутин. Атаман распустил Войсковой съезд и даже арестовал некоторых строптивых депутатов, не согласных с его действиями. Арестовано было, кажется, четверо во главе с председателем Войскового съезда, сотником Кирпичниковым.

Когда Оренбургское войско было разгромлено большевиками, то часть оренбургцев, под командой генерала Акулинина, помощника атамана Дугова, пришла к нам. Но это были главным образом тыловые части. Эти части отказались вступить в нашу армию и идти на фронт. Генерал Акулинин удивлялся, что Толстов не хочет использовать эти тыловые части. Толстов же заявил, что ему нужны солдаты, а не тыловые учреждения.

*Н. Дорошин*²¹²

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО²¹³

До осени на Уральском фронте больших боев больше не было. На Сланихинском фронте полковник Н.Н. Бородин не раз отбивал атаки красных, сам выходил за грань, преследуя красных, и занимал в Самарской губернии большое селение Александров Гай и городок Новоузенск. В этом районе Самарской губернии жило много переселенцев, в большинстве зажиточных. Они были также против советской власти и дали казакам Семеновскую пешую дружину и Николаевский (по имени уездного городка Николаевска) стрелковый полк, которые боролись с красными в этом районе совместно с казаками.

К осени 1918 года Уральская отдельная армия состояла из 18 конных полков (600—800 шашек), 3 учебных конных полков, 3 пеших казачьих полков. Полевых пушек, приданных дивизиям и полкам, в армии было уже свыше 50. В частях было свыше 150 пулеметов. Большая часть вооружения была захвачена у красных в боях. Общая численность казачьей армии была около 20 тысяч. Кроме того, было не-